

Психологія въ исторіи.

(Новѣйшая попытка психологическаго обоснованія исторіи).

Мысль о возможности приложенія психологіи къ объясненію исторіи основывается на томъ соображеніи, что въ основѣ историческаго процесса лежитъ процессъ психологическій. Мысль эта не нова. Она была высказана еще Гербартомъ, который находилъ возможнымъ свести «статикѣ и механику (= динамику) государства» къ «статикѣ и механикѣ человѣческой души», такъ какъ, по его мнѣнію, «дѣйствующія въ исторіи силы, по происхожденію своему, суть безспорно психологическія силы»¹⁾. Впослѣдствіи идея эта получила дальнѣйшее развитіе въ исторіософской и соціологической литературѣ, являясь то съ метафизическимъ оттенкомъ, какъ у Лацаруса и Штейнталя, — въ формѣ ученія о «народномъ духѣ» (Volkgeist), то съ позитивнымъ, какъ у Милля и Тэна, изъ которыхъ первый указываетъ на необходимость психологическаго объясненія исторіи изъ законовъ человѣческаго духа²⁾, а послѣдній прямо объявляетъ исторію «психологической проблемой» — въ такомъ же точно смыслѣ, въ какомъ «астрономія есть проблема механическая, а физиологія — химическая»³⁾. Самъ Тэнъ, впрочемъ, не развилъ этой идеи въ цѣлую теорію и, примѣняя на дѣлѣ психологическую точку зрѣнія въ своихъ историческихъ работахъ, не сдѣлалъ попытки теоретическаго построенія историческаго процесса на психологической основѣ. Вотъ этой послѣдней задачѣ и посвящено вы-

¹⁾ Rocholl. Die Philosophie der Geschichte. Göttingen, 1878, S. 321.

²⁾ Ibid. 247.

³⁾ Тэнъ. Англійская литература. Спб., 1871. Томъ I, стр. 27. Сравни. Карьена. Основн. вопр. фил. ист., кн. III, гл. I.

шедшее въ прошломъ году сочиненіе извѣстнаго своими работами по соціологіи и культурной исторіи¹⁾ французскаго ученаго Лебона: о «Психологическихъ законахъ развитія народовъ»²⁾.

Работа Лебона носитъ на себѣ явственныя слѣды вліянія Тэна, которымъ подсказаны, по всей вѣроятности, какъ самая тема сочиненія, такъ и его основная точка зрѣнія — психологическая концепція исторіи. Изъ того же источника заимствована, надо думать, и основная идея исторіософской концепціи автора. Это — идея расы. Подъ расою Лебонъ разумѣетъ всякую исторически сложившуюся культурно-племенную группу; «раса», «нація», «народъ» — у него синонимы. Каждая «раса» обладаетъ особою, ей только свойственною и отличающею ее отъ всякой другой «расы» структурою, физическою и психическою. Структура эта передается изъ поколѣнія въ поколѣніе въ силу органической наслѣдственности и отличается такою же устойчивостью, какъ и анатомическая структура зоологическаго вида. «Раса» представляетъ собою одновременно и «анатомическій видъ», и «видъ психологическій», причемъ, «подобно анатомическимъ признакамъ, и психологическіе признаки (данной расы) воспроизводятся наслѣдственно, съ правильностью и постоянствомъ»³⁾; «психологическіе признаки извѣстной расы, поэтому, столь же неподвижны (fixes), какъ и признаки анатомическіе»⁴⁾. Иначе говоря, «каждая раса обладаетъ столь же постояннымъ складомъ ума, какъ и ея анатомическое строеніе»⁵⁾. Этотъ «складъ ума», эти «особыя психологическія основы, присущія извѣстному народу (fondemens psychologiques spéciaux à chaque peuple)» и составляютъ то, что авторъ называетъ *душою расы* (l'âme d'une race)⁶⁾. Раса представляетъ собою, такимъ образомъ, нѣкоторую коллективную психическую единицу, обладающую особою «душою». Внѣшнія проявленія этой «души» составляютъ въ общей сложности то, что мы называемъ культурой или цивилизаціей. «Различные элементы, изъ которыхъ слагается цивилизація, суть внѣшнія

¹⁾ L'Homme et les Sociétés, leurs origines et leur histoire, 2 vol. — Les premières civilisations de l'ancien Orient. — Les Civilisations de l'Inde. — La Civilisation des Arabes, etc.

²⁾ Les lois psychologiques de l'évolution des peuples. Par Gustave le Bon. Paris, Félix Alcan. 1894.

³⁾ Le Bon, p. 12. ⁴⁾ Le Bon, p. 166. ⁵⁾ Le Bon, p. 11.

⁶⁾ О „душѣ расы“: Le Bon, pp. 5, 11, 14, 16, 17, 48, 131, 167.

проявленія души народа, ее создавшаго» ¹⁾. Иначе говоря: «искусства, учреждения, вѣрованія—все это не что иное, какъ непосредственныя проявленія души расъ (manifestations directes de l'ame des races)» ²⁾. «Жизнь народа и всѣ проявленія его цивилизации суть лишь простое отраженіе его души,—видимый знакъ невидимой, но тѣмъ не менѣе очень реальной вещи» ³⁾. А слѣдовательно, и вся исторія есть, въ сущности, лишь простое отраженіе этой «невидимой вещи». Вотъ какъ самъ авторъ формулируетъ эту мысль: «Исторія, въ своихъ главныхъ чертахъ, можетъ быть разсматриваема, какъ простой рядъ слѣдствій, вытекающихъ изъ психологическаго склада расъ (comme le simple exposé des résultats engendrés par la constitution psychologique des races). Она вытекаетъ изъ послѣдняго, подобно тому какъ дыхательные органы рыбъ вытекаютъ изъ ихъ водной жизни (?). Безъ предварительнаго знакомства съ умственнымъ складомъ извѣстнаго народа, его исторія представляется хаосомъ случайныхъ событій; но разъ намъ извѣстна душа народа, его исторія представляется намъ, наоборотъ, какъ правильное и роковое слѣдствіе его психологическихъ признаковъ (comme la conséquence régulière et fatale de ses caractères psychologiques). Во всѣхъ проявленіяхъ жизни націи мы всюду находимъ неподвижную душу расы, ткущую свою собственную судьбу (l'ame immuable de la race tissant elle-même son propre destin)» ⁴⁾. «Изъ психологическаго склада расъ вытекаетъ ихъ міросозерцаніе (conception du monde et de la vie), слѣдовательно—ихъ поведеніе, слѣдовательно—ихъ исторія» ⁵⁾. «Невидимая въ своей сущности, душа расы очень видима въ своихъ проявленіяхъ, потому что она направляетъ всю эволюцію народа» ⁶⁾.

Такова основная мысль исторіософской концепціи Лебона. Авторъ иллюстрируетъ ее нѣсколькими взятыми изъ исторіи примѣрами, которые—къ слову сказать—у него играютъ и роль доказательствъ. Первый примѣръ—Франція. «Душа расы» съ особенною силою сказывается здѣсь, по мнѣнію автора, въ исторіи учреждений. Отъ Людовика XIV и до революціонной эпохи, отъ Наполеона и до коммуны, при всѣхъ политическихъ потрясеніяхъ и переворотахъ, переживаемыхъ Франціей, сущность ея

¹⁾ Le Bon, p. 70. ²⁾ Le Bon, p. 5. ³⁾ Le Bon, p. 167. Сравн. 53, 54.

⁴⁾ Le Bon, p. 54. ⁵⁾ Le Bon, p. 34. ⁶⁾ Le Bon, p. 14.

политическаго строя остается неизмѣнною: это—абсолютизмъ государства, поглощающій личность, исключаящій личную инициативу. И это оттого, что «политическія учрежденія Франціи вытекаютъ изъ души расы», потому что, говоритъ авторъ, «поглощеніе личности государствомъ—именно идеалъ нашей расы» ¹⁾, а «устойчивость» и «неподвижность» составляютъ, какъ сказано, основное свойство «расовой души». Совсѣмъ инымъ психическимъ складомъ отличается «англійская раса»,—и «въ силу одного только этого обстоятельства» ²⁾ исторія англійскихъ учреждений представляетъ собою картину, совершенно отличную отъ предыдущей. Въ противоположность французскому, англійскій общественный строй отличается слабымъ развитіемъ государственнаго вмѣшательства, которое оставляетъ широкій просторъ для личной инициативы. Въ этомъ авторъ видитъ новое доказательство того, что «учрежденія извѣстнаго народа суть выраженіе его души (l'expression de son ame)» ³⁾. Далѣе проводится подобная же параллель между общественнымъ развитіемъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки и южно-американскихъ республикъ, и контрастъ между историческимъ развитіемъ этихъ двухъ политическихъ міровъ сводится авторомъ опять-таки исключительно къ различію въ психическомъ складѣ обѣихъ «расъ» ⁴⁾. Въ послѣднемъ примѣрѣ авторъ видитъ особенно убѣдительное доказательство того, «до какой степени душа извѣстной расы управляетъ ея судьбою, и какъ незначительна та роль, которую играютъ въ этой судьбѣ учрежденія» ⁵⁾.

Резюмируя основныя положенія Лебона, сущность его исторіософской концепціи можно кратко формулировать такъ:

Исторія народовъ есть слѣдствіе ихъ психическаго склада или «души»; внѣшнія проявленія этихъ «душъ» и составляютъ, въ общей сложности, то, что мы называемъ исторіей человѣчества. Исторія представляетъ, такимъ образомъ, процессъ, параллельный нѣкоторому другому процессу, заключающемуся въ эволюціи «расовыхъ душъ». Такъ какъ второй процессъ лежитъ въ основѣ перваго и по отношенію къ нему является первичнымъ и основнымъ, а тотъ въ отношеніи къ этому—вторичнымъ и производнымъ, то ясно, что «законами» перваго должны быть «законы», управляющіе послѣднимъ. Другими словами: законовъ исторической эволюціи слѣдуетъ искать въ законахъ эволюціи расовыхъ

¹⁾ Le Bon, p. 53—54. ²⁾ Le Bon, p. 57. ³⁾ Le Bon, p. 58. ⁴⁾ p. 66. ⁵⁾ p. 58.

душъ. Разсмотрѣнію послѣднихъ и посвящена вторая половина сочиненія Лебона (главы 3—4), которую можно бы озаглавить «соціальной динамикой».

Какъ возникаетъ «расовая», или «коллективная душа» (une collective)? Путемъ сліянія разнородныхъ элементовъ. Какъ скоро известная группа индивидуумовъ, въ силу совместной жизни и наследственности, приобрѣла, въ концѣ концовъ, нѣкоторый общій психическій складъ и известную общность идей, чувствъ и интересовъ, это означаетъ, что въ данной группѣ возникла «коллективная душа» ¹⁾. Это, такъ сказать, эмбрионъ коллективной души. Дальнѣйшее развитіе и ростъ ея происходятъ путемъ наследственности. «Душа семьи», «душа гражданской общины», «душа провинціи», «душа націи» — таковы главнѣйшія послѣдовательныя стадіи роста коллективной души ²⁾. «Душа націи» — это высшая форма, до которой дошла въ своемъ развитіи коллективная душа, — и лишь въ недавнее сравнительно время. Распространеніе «общихъ чувствъ, идей, интересовъ и вѣрованій» на цѣлыя народы, возникновеніе у нихъ «общаго психическаго склада» — фактъ сравнительно новѣйшаго времени, и фактъ въ большинствѣ случаевъ далеко еще не завершившійся ³⁾. Главнымъ факторомъ того медленнаго и продолжительнаго процесса, въ результатѣ котораго является вполне сформированная «національная душа», заключается въ наследственности. Это положеніе Лебонъ иллюстрируетъ довольно любопытнымъ наблюдениемъ французскаго экономиста Шессона (Cheysson), который вычислилъ, что, считая по три поколѣнія въ столѣтіе, оказывается, что въ жилахъ cadaго изъ современныхъ французовъ имѣется доля крови, по меньшей мѣрѣ, отъ двадцати милліоновъ французовъ, жившихъ въ 1000 году ⁴⁾. И все-таки, не смотря на это, процессъ амальгамации, необходимый для образованія вполне сформированной «національной души», далеко еще не закончился во Франціи, да и вообще нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, одной лишь Англіи; изъ всѣхъ современныхъ націй Европы, по мнѣнію автора (особенно любопытному въ устахъ француза), англичане одни обладаютъ вполне сформированной національной душой, и въ этомъ ихъ сила ⁵⁾. За то есть страны, гдѣ «маленькія общины и провинціи

¹⁾ pp. 13, 16, сравн. 168. ²⁾ pp. 9, 13, 16, 17. ³⁾ p. 13. ⁴⁾ p. 13. ⁵⁾ p. 17.

слишкомъ долго жили независимо жизнью, и каждая изъ нихъ получила столь устойчивую душу, что сліяніе послѣдней съ душами сосѣднихъ общинъ и провинцій для образованія одной національной души становится невозможнымъ». Такова, напримеръ, Италія ¹⁾.

«Приобрѣтеніе известнымъ народомъ прочно сложившейся коллективной души отмѣчаетъ собою апогей его величія» ²⁾. Основное свойство приобретенной такимъ путемъ «національной души» есть устойчивость, «неподвижность» ³⁾. Вотъ почему, при всѣхъ превратностяхъ исторической судьбы, при всѣхъ возможныхъ революціяхъ и катастрофахъ, переживаемыхъ народомъ, его «душа» остается все та же. «Между делегатомъ комитета общественнаго спасенія и префектомъ имперіи не большая разница: это одинъ и тотъ же человекъ, только въ разныхъ костюмахъ — сначала въ блузѣ, потомъ въ расшитомъ мундирѣ» ⁴⁾. Въ силу своей устойчивости, «расовая душа» отличается крайнею неподатливостью на всякаго рода внѣшнія вліянія. Вліяніе «среды — физической и моральной» — на «коллективную душу» почти ничтожно; оно сказывается лишь въ періодъ формированія послѣдней и не имѣетъ никакой силы по отношенію къ расамъ вполне сложившимся ⁵⁾. (Слѣдуетъ припомнить здѣсь, что авторъ считаетъ «большую часть историческихъ расъ Европы въ періодъ формированія») Во всякомъ случаѣ, измѣненію подвергаются лишь «побочныя психологическія черты» (caractères accessoires, modifiables) коллективной души; что касается «основныхъ чертъ», то онѣ неизмѣнны (caractères fondamentaux, irréductibles et invariables ⁶⁾).

Такъ какъ исторія, по представленію Лебона, есть не что иное, какъ «отраженіе расовой души», то какъ же возможна, спрашивается, историческая эволюція при «неподвижности» этой «души»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ ученіи автора о роли идей въ исторіи. *Идеи* — вотъ настоящій двигатель исторіи; онѣ — «невидимыя пружины вещей» ⁷⁾. «Самое важное въ исторіи народовъ — то, что наиболѣе глубоко вліяетъ на ихъ судьбу, — это не

¹⁾ p. 18. Авторъ не объясняетъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать эту «невозможность»: условно ли, т.-е. по отношенію къ настоящему моменту только, или же безусловно.

²⁾ p. 16. ³⁾ p. 54. ⁴⁾ Слова Тэна, цитируемыя Лебономъ, p. 24.

⁵⁾ Le Bon, pp. 45, 50, 65, 169. ⁶⁾ pp. 20, 21, 166. ⁷⁾ p. 157.

революции, не войны, это — переменны въ основныхъ идеяхъ. Ни одна изъ такихъ переменъ не можетъ произойти безъ того, чтобы не произошла переменна во всѣхъ элементахъ культуры. Истинныя революціи, единственныя опасныя для существованія народа, это — тѣ, которыя затрогиваютъ его мысль» ¹⁾. Дѣло, слѣдовательно, не въ идеяхъ вообще, а въ *основныхъ идеяхъ*, такъ какъ лишь измѣненія въ послѣднихъ неизбѣжнымъ образомъ влекутъ за собой переменны во всѣхъ элементахъ культуры. Что же это за идеи? Въ основаніи всякой цивилизаціи, говоритъ Лебонъ, лежитъ всегда нѣсколько идей ²⁾. Это и есть основныя идеи. «Цивилизаціи суть результатъ нѣсколькихъ основныхъ идей» ³⁾. Основныя идеи, это, по выраженію автора, — «маяки исторіи», «полюсы цивилизаціи» ⁴⁾. Число этихъ *idées directrices de chaque civilisation* всегда очень ограничено ⁵⁾. Такъ, средніе вѣка жили всего двумя идеями — религиозной и феодальной (авторъ находитъ возможнымъ говорить о феодализмѣ, какъ выраженіи *одной* идеи, такъ же, какъ и о католицизмѣ). «Изъ этихъ двухъ (*sic*) идей вышли искусства, литература, все міросозерцаніе (*la conception de la vie tout entière*) среднихъ вѣковъ» ⁶⁾. Зависимость «цивилизаціи» отъ лежащихъ въ ея основѣ идей до такой степени непосредственна и сильна, что всякая переменна въ послѣднихъ роковымъ образомъ влечетъ и измѣненія во всѣхъ элементахъ первой; всякая цивилизація «осуждена немедленно преобразиться, какъ только произошла переменна въ (основныхъ) идеяхъ» ⁷⁾. Такъ случилось и съ средневѣковой цивилизаціей. Въ эпоху Возрожденія обѣ руководящія идеи среднихъ вѣковъ начинаютъ мало по малу уступать мѣсто новымъ идеямъ. «Въ Европѣ возрождается забытый идеаль греко-римскаго міра, и тотчасъ же — философія, искусство, литература, все міросозерцаніе начинаютъ преобразовываться». Подобный же процессъ совершается и въ наши дни, когда «старыя религиозныя идеи потеряли свое обаяніе, и уже въ силу одного этого грозятъ полнымъ разрушеніемъ опиравшіяся на эти идеи социальныя учрежденія» ⁸⁾.

Чему же однако, спрашивается, обязаны нѣкоторыя — всегда очень немногочисленныя — идеи тѣмъ, что, въ качествѣ «основныхъ», онѣ получаютъ столь рѣшительное значеніе въ исторіи,

¹⁾ р. 133. ²⁾ р. 120. ³⁾ р. 122. ⁴⁾ р. 136. ⁵⁾ р. 119. ⁶⁾ р. 122. ⁷⁾ р. 122.

⁸⁾ р. 123.

между тѣмъ какъ полнѣйшее ничтожество является удѣломъ всѣхъ остальныхъ (авторъ не высказываетъ этого послѣдняго положенія, но оно съ логическою неизбѣжностью вытекаетъ изъ вышеизложеннаго ученія его объ основныхъ идеяхъ)? Сущность даваемого на этотъ вопросъ Лебономъ отвѣта можно кратко сформулировать такъ: если извѣстная идея получила рѣшающее вліяніе на «душу народа», она, въ силу этого самаго, становится въ ряду «идей, управляющихъ его цивилизаціей». Но для того, чтобы извѣстная идея могла получить рѣшающее вліяніе на «душу народа», необходимо, чтобы она предварительно «опустилась изъ неподвижныхъ областей мысли въ ту устойчивую и безсознательную область чувствъ, гдѣ вырабатываются мотивы нашихъ дѣйствій» ¹⁾. Тогда идея «становится какъ бы частью характера и получаетъ способность вліять на поведеніе» ²⁾. «Спустившись въ область безсознательнаго», идея утрачиваетъ одновременно и свою логическую силу и свою логическую хрупкость: «она дѣйствуетъ тогда гораздо болѣе путемъ внушенія, чѣмъ доказательства», но за то становится и неуязвимою для всякаго логическаго оружія. Ея сила тогда не въ логической истинности, а въ психологической интенсивности и органическомъ соединеніи съ «душою народа» ³⁾. «Она пріобрѣтаетъ тогда силу всепроникающую и тонкую; она неудержимо распространяется, проникая во всѣ мозги, создавая особую атмосферу». «Подобно всепроникающей тонкой дорожной пыли, она проникаетъ во всѣ понятія и всѣ произведенія эпохи. Идея съ своими логическими слѣдствіями образуетъ тогда часть той плотной глыбы наслѣдственныхъ банальностей (*ce stock compact de banalités héréditaires*), къ которой мы пріобщаемся путемъ воспитанія». Она, эта идея, «восторжествовала и вступила въ область чувства, — и это ставитъ ее надолго внѣ всякой опасности» ⁴⁾. Она пріобрѣтаетъ тогда характеръ стихійной силы, и «людямъ не дано остановить ея рокового хода. Ея эволюція должна тогда совершиться до конца» ⁵⁾. И «когда она (идея) дошла до извѣстнаго періода своей эволюціи, — нѣтъ болѣе ни разсужденій, ни доказательствъ, которыя были бы въ силахъ одолѣть ее. Для того, чтобы народы могли освободиться изъ-подъ ига идеи, нужны вѣка или насильственные перевороты, иногда — и то и другое вмѣстѣ» ⁶⁾, — именно потому, что сила ея

¹⁾ р. 121. ²⁾ р. 121. ³⁾ pp. 124—125. ⁴⁾ р. 125. ⁵⁾ р. 135. ⁶⁾ р. 135.

совершенно не зависитъ отъ ея логической цѣнности. «Будутъ ли онѣ, эти идеи, неточны или ложны, это безразлично для ихъ дѣйствія. Исторія показываетъ, что именно наиболѣе химерическія идеи всего сильнѣе фанатизировали людей и играли наиболѣе важную роль». «Изъ всѣхъ факторовъ культурной эволюціи (développement des civilisations) иллюзіи оказываются въ числѣ наиболѣе сильныхъ. Иллюзія вызвала на свѣтъ пирамиды и усѣяла въ теченіе пяти тысячелѣтій Египетъ каменными колоссами; иллюзія воздвигла гигантскіе соборы среднихъ вѣковъ»... и т. д. ¹⁾.

Среди «идей, управляющихъ цивилизаціей», особенно выдающаяся роль принадлежитъ религиознымъ идеямъ. «Исторія человечества всегда шла параллельно исторіи боговъ» ²⁾, и «самыми важными событіями въ исторіи человечества были всегда рожденіе и смерть боговъ» ³⁾: «рожденіе новыхъ боговъ всегда отмѣчало собою зарю новой цивилизаціи, и исчезновеніе ихъ отмѣчало всегда начало ея упадка» ⁴⁾. «Съ новой религиозной идеей рождаются и новая цивилизація» ⁵⁾. Особенная сила, присущая религиознымъ идеямъ, заключается въ томъ, что онѣ «производятъ нѣчто въ родѣ постоянной гипнотизаціи, настолько интенсивной, что подъ влияніемъ ихъ преобразуется весь умственный складъ (народа)» ⁶⁾. «Въ чемъ особенно заключается ихъ неотразимое могущество, такъ это въ томъ, что онѣ составляютъ единственный факторъ, способный моментально сообщить извѣстному народу абсолютное единство интересовъ, чувствъ и мыслей. *Религиозный духъ можетъ замѣнить, такимъ образомъ, однимъ разомъ медленныя наследственныя накопленія, которыя необходимы для сформированія души извѣстной націи*» ⁷⁾. Значитъ, религиозныя идеи не только обладаютъ общимъ всѣмъ «основнымъ идеямъ» свойствомъ сростаться органически съ «душою расы», — имъ присуща, сверхъ того, еще особая творческая сила: религиозная идея можетъ «ментально», «однимъ разомъ», создать недостающую извѣстному народу «душу» (примѣръ: магометанство и арабы) ⁸⁾.

Этой особенной интенсивностью религиозныхъ идей и ихъ творческою силой и объясняется ихъ огромное значеніе въ исторіи, — и не только въ культурной исторіи, но и въ исторіи по-

¹⁾ р. 149. ²⁾ р. 170. ³⁾ р. 136. ⁴⁾ р. 170. ⁵⁾ р. 136. ⁶⁾ р. 137. ⁷⁾ р. 139.
⁸⁾ р. 140.

литической. «Именно, въ эпохи религиознаго одушевленія (aux éroques de foi) народы, моментально преобразенные, совершали тѣ титаническіе подвиги, которымъ удивляется исторія, — основаніе имперій и т. д.» ¹⁾. Относительно роли религиозныхъ идей въ исторіи общественныхъ учрежденій авторъ считаетъ возможнымъ даже утверждать, «что съ самой зари историческихъ временъ всѣ учрежденія политическія и социальныя были основаны на религиозныхъ вѣрованіяхъ» ²⁾. Однимъ словомъ, «вся исторія народовъ — политическая, артистическая, литературная — есть дочь ихъ религиозныхъ вѣрованій» ³⁾. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, характеръ народовъ, и сами претерпѣваютъ измѣненія подъ влияніемъ этого характера» ⁴⁾. Буддизмъ на китайской почвѣ сталъ совсѣмъ не похожъ на то, чѣмъ онъ былъ на своей родинѣ; мусульманство монголовъ во многомъ разнится отъ мусульманства арабовъ и т. д.

Итакъ, «характеръ народа и его вѣрованія — вотъ ключи къ его исторіи» ⁵⁾. Другими словами, сущность историческаго процесса, по представленію Лебона, сводится къ взаимодѣйствию двухъ факторовъ: «характера народовъ» и ихъ «вѣрованій». Еслибы авторъ болѣе заботился о послѣдовательности и желалъ остаться болѣе вѣрнымъ своей же собственной терминологіи, то онъ долженъ былъ бы редактировать свою формулу историческаго процесса нѣсколько иначе, а именно: «взаимодѣйствіе расовой души и (основныхъ) идей».

Теперь возникаетъ вопросъ: откуда же берутся тѣ новыя идеи (включая сюда и религиозныя вѣрованія), которыя, въ качествѣ «основныхъ», играютъ роль двигателей исторической эволюціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ — отвѣтъ, какъ увидимъ, далеко не удовлетворительный — находимъ въ ученіи автора о роли личности въ исторіи, или, согласно съ односторонней постановкой у него этого вопроса, — о роли «выдающихся людей». Вотъ вкратцѣ сущность этого ученія. Каждый культурный народъ обладаетъ извѣстною немногочисленною группою людей, выдающихся надъ уровнемъ массы своими талантами, своимъ гениемъ ⁶⁾. Эта petite élite d'hommes éminents, d'ésprits supérieurs представляетъ собою «истинное воплощеніе способностей расы — la véritable

¹⁾ р. 140. ²⁾ р. 137. ³⁾ р. 141. ⁴⁾ р. 141. ⁵⁾ р. 141. ⁶⁾ р. 143.

incarnation des pouvoirs d'une race». Значеніе «выдающихся людей» въ томъ именно и заключается, что «они синтезируютъ всѣ стремленія расы» и «воплощаютъ ея господствующій идеаль»¹⁾. Будутъ ли это «великіе люди» въ политикѣ, какъ Цезарь, Ришелье,—или «геніальные изобрѣтатели», какъ Галилей, Ньютонъ,—всегда и всюду сущность ихъ роли одна и та же: они «синтезируютъ результаты долгой предшествующей работы»²⁾, «строятъ зданіе изъ камней, вытесанныхъ другими»³⁾. Главная роль въ исторіи принадлежитъ, однако, не «геніальнымъ изобрѣтателямъ», а «творцамъ» религиозныхъ идей. «Изобрѣтатели могутъ измѣнить внѣшнюю форму цивилизаци; фанатики, съ узкимъ умомъ, но энергическимъ характеромъ и могучими страстями, одни могутъ основывать религіи и имперіи и колебать міръ»⁴⁾. Пусть проповѣдь этихъ людей—чистая химера, миражъ, галлюцинація: «самыя глубокія перемѣны въ мірѣ произведены такими мечтателями и творцами подобныхъ миражей». «Геніальные изобрѣтатели ускоряютъ ходъ цивилизаци; фанатики и ясновидящіе творятъ исторію»⁵⁾. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать при этомъ,—оговаривается авторъ,—что, если этимъ людямъ «удалось выполнить свою задачу, то лишь потому, что они бессознательно воплотили и выразили господствующій идеаль своей расы и своего времени»⁶⁾. Авторъ не считаетъ при этомъ нужнымъ объяснить, какъ совмѣстить эпитетъ *творцовъ* съ отрицаніемъ за ними творческой роли.

Общій выводъ: «Въ концѣ концовъ, идеи,—и слѣдовательно тѣ, кто ихъ воплощаетъ и распространяетъ,—двигаютъ міръ»⁷⁾.

Такъ какъ всякая «цивилизация», по ученію Лебона, держится своими «основными идеями», то «смерть» этихъ послѣднихъ естественнымъ образомъ влечетъ у него за собой и разрушеніе данной цивилизаци, которая въ такомъ случаѣ уступаетъ мѣсто другой цивилизаци, основанной на новыхъ идеяхъ. Съ другой стороны, такъ какъ цивилизациа есть лишь «отраженіе расовой души», то послѣдняя неминуемо обречена на гибель, въ случаѣ «смерти» послѣдней. Къ сожалѣнію, мысли автора относительно послѣдняго пункта далеко не отличаются ясностью. Насколько намъ удалось понять, онъ признаетъ два случая «разрушенія расовой души». Во-первыхъ, въ случаѣ если происходитъ скреще-

¹⁾ p. 143. ²⁾ p. 146. ³⁾ p. 144. ⁴⁾ p. 146. ⁵⁾ p. 147. ⁶⁾ pp. 147—148.

⁷⁾ p. 148.

ваніе между двумя или нѣсколькими расами, то «оно прежде всего разрушаетъ душу этихъ расъ»¹⁾. «Поэтому, не безъ основанія всѣ народы, достигшіе болѣе или менѣе высокой степени культурнаго развитія, заботливо избѣгали смѣшиваться съ иностранцами»²⁾. Въ другихъ случаяхъ смерть «расовой души» наступаетъ вслѣдствіе «разложенія психическаго склада расы»³⁾. Факторомъ такого разложенія является среда. «Когда происходитъ измѣненіе въ условіяхъ среды, элементы психическаго склада (расы), поддерживаемые вліяніемъ первыхъ, начинаютъ подвергаться регрессивнымъ трансформациамъ, которыя, въ свою очередь, приводятъ къ ихъ разрушенію»⁴⁾. Происходитъ же это въ силу чисто физиологическихъ причинъ. «Мозговая клѣтка, не находя болѣе (вслѣдствіе измѣнившихся условій среды) случая упражняться, перестаетъ функционировать, и психическія способности, сформировавшіяся въ теченіе вѣковъ, могутъ быстро исчезнуть»⁵⁾. Этимъ объясняется быстрый упадокъ народовъ, достигшихъ вѣковыми усиліями высокой степени культурнаго развитія: «народъ потерялъ все, когда онъ потерялъ свою душу»⁶⁾. Таковъ, по представленію Лебона, общій всѣмъ народамъ «механизмъ распаденія цивилизаци»⁷⁾.

Въ книгѣ Лебона собрана масса интересныхъ и цѣнныхъ наблюдений, мастерски сгруппированныхъ и эффектно сформулированныхъ. Въ нихъ много и тонкой наблюдательности, и много вдумчиваго отношенія къ исторической дѣйствительности. Таковы, въ особенности, его наблюденія касательно зависимости культуры и исторіи отъ характера народовъ, относительно значенія психологическихъ факторовъ въ исторіи, роли бессознательнаго въ идеяхъ, и т. д. Другой вопросъ, какъ онъ воспользовался этими наблюденіями. Онъ строитъ на нихъ, какъ мы видѣли, цѣлую исторіософскую теорію. Сущность этой теоріи заключается въ сведеніи историческаго процесса къ психологическому на почвѣ «расы»; вся исторія выводится у него изъ «психическаго склада расы», который онъ называетъ ихъ «душою». Чтобы сдѣлать опѣнку изложенной теоріи, нѣтъ нужды входить въ детальнѣйшій разборъ ея; достаточно поставить вопросъ: выдерживаетъ ли она очную ставку съ исторической дѣйствительностью? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не займетъ много мѣста, такъ какъ

¹⁾ p. 48. ²⁾ p. 48. ³⁾ p. 151. ⁴⁾ p. 151. ⁵⁾ p. 152. ⁶⁾ p. 49. ⁷⁾ p. 151.

достаточно будетъ остановиться на нѣсколькихъ существенныхъ пунктахъ.

Чтобы провести свою основную идею о «душѣ расы», какъ единственномъ источникѣ всей исторической эволюціи, автору приходится игнорировать индивидуальную оригинальность и совершенно отрицать творческую роль личности въ исторіи, а съ другой стороны,—сводить чуть не къ нулю вліяніе «среды» и «момента» (Лебонъ придерживается тэновской триады: «раса», «среда», «моментъ»). Мы не будемъ доказывать прямо несостоятельности этого положенія: въ короткихъ словахъ этого нельзя сдѣлать, а подробное разсмотрѣніе завело бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся поэтому указаніемъ на нѣкоторыя изъ слѣдствій, логически вытекающихъ изъ даннаго положенія, и разбирающихся въ то же время объ историческую дѣйствительность.

Такъ какъ, по Лебону, личность вообще лишена творческой роли, и всякій «выдающийся умъ» или «великій человѣкъ» является лишь выразителемъ идей и носителемъ идеаловъ своей «расы», то отсюда слѣдуетъ, что идеи и идеалы, «воплощаемые выдающимися людьми», принадлежащими къ одной и той же «расѣ», должны быть всегда тождественны, или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчить другъ другу, чего, какъ извѣстно, въ дѣйствительности не бываетъ. Что касается «момента», то отрицаніе его вліянія разбивается о такія историческія явленія, характеризующія извѣстныя эпохи (а не «расы»), какъ средневѣковой феодализмъ, гуманистическое движеніе конца среднихъ вѣковъ, «просвѣщенный абсолютизмъ» второй половины прошлаго столѣтія и т. д. Къ наименьшимъ противорѣчіямъ съ исторической дѣйствительностью приводитъ и отрицаніе вліянія «среды».

Далѣе, въ угоду всеобъемлющему значенію «расовой души» въ исторіи, авторъ до крайности умаляетъ роль учреждений, которыя, по его мнѣнію, «имѣютъ лишь крайне слабое вліяніе на эволюцію цивилизаціи; они чаще всего бываютъ слѣдствіями и очень рѣдко—причинами»¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще рѣшительнѣе. «Это дѣтская химера, говоритъ онъ, —думать, будто правительства и конституціи играютъ какую-нибудь роль въ судьбѣ извѣстнаго народа»²⁾. Если бы это было вѣрно, то пришлось бы признать, что, напримѣръ, имперія не оказала ни-

1) Le Bon, p. 6. 2) p. 68. Сравн. 58.

какого вліянія на судьбу римскаго «народа»,—что роль феодализма въ культурномъ развитіи среднихъ вѣковъ была совершенно ничтожна, и т. д. Авторъ можетъ, конечно, возразить на это съ своей точки зрѣнія, что дѣло не въ учрежденіяхъ феодальныхъ, а въ «феодальной идеѣ». Но съ этимъ, конечно, нельзя согласиться, какъ потому, что исторія ничего не знаетъ о «феодальной идеѣ» помимо феодальныхъ учреждений, такъ и потому, что феодальный строй вліялъ на исторію не столько своими идеями, сколько учрежденіями, не говоря уже о томъ, что основой этихъ послѣднихъ были далеко не однѣ идеи, а быть можетъ, еще болѣе — интересы и матеріальная сила.

Затѣмъ, по Лебону, учрежденія, наравнѣ съ прочими элементами культуры, «вытекаютъ изъ души расы». Попробуемъ приложить это хотя бы къ тѣмъ же феодальнымъ учрежденіямъ среднихъ вѣковъ:—изъ «души» какой это «расы» они «вытекли»?... Продуктъ какой «расовой души» —политическій строй современной Швейцаріи, состоящей изъ нѣсколькихъ «расъ»?... Или взять такой фактъ. Екатерина II вводитъ въ Малороссіи крѣпостное право: по теоріи Лебона, слѣдуетъ признать, что это «учрежденіе» «вытекало изъ души (малороссійской) расы»...

Пойдемъ далѣе. Идеи, религіозныя вѣрованія, все міросозерцаніе, наконецъ,—все это по Лебону «вытекаетъ» изъ того же первоисточника всей исторической эволюціи — «расовой души». Согласно съ этимъ, современную идею прогресса, идею «просвѣщеннаго абсолютизма» прошлаго вѣка, средневѣковыя идеи теократіи и аскетизма и вообще все міросозерцаніе среднихъ вѣковъ,—все это приходится признать продуктомъ той или другой «расы». И христіанство,—эта всемірная, общечеловѣческая религія,—тоже «продуктъ расы»?... Какой же?

Далѣе, утверждая, что вся исторія извѣстнаго народа цѣлкомъ вытекаетъ изъ его «души», авторъ, очевидно, забылъ о существованіи такихъ, совершенно случайныхъ по отношенію къ «душѣ» даннаго народа фактовъ¹⁾, какъ, напримѣръ, иностранное

1) Читатель пойметъ, въ какомъ смыслѣ мы говоримъ въ данномъ случаѣ о случайныхъ фактахъ; въ исторіи рѣчь можетъ идти, разумѣется, лишь объ относительной случайности, ни мало не исключающей закона причинности. Нашествіе монголовъ, фактъ случайный по отношенію къ характеру русскаго народа, не было случайнымъ по отношенію къ нѣкоторому ряду предшествовавшихъ фактовъ, бывшихъ причиною этого событія.

завоеваніе. Напримѣръ, татарское иго въ Россіи... что, и оно тоже «вытекало изъ души (русской) расы»? А если нѣтъ, то, значитъ, не вся исторія даннаго народа можетъ быть объяснена изъ его «души»,—значитъ, историческая эволюція совершается не по схемѣ Лебона...

Самъ Лебонъ мало заботится о повѣркѣ своей теоріи путемъ приложенія ея къ реальнымъ историческимъ фактамъ; если онъ и обращается время отъ времени къ исторической дѣйствительности, то не столько въ видахъ провѣрки своихъ идей, сколько затѣмъ, чтобы подрубить первую по мѣркѣ послѣднихъ. Мы видѣли, напримѣръ, въ какомъ видѣ представляетъ онъ исторію англійскихъ и французскихъ учреждений, исторію общественнаго развитія Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки и южно-американскихъ республикъ. Развѣ это не чистѣйшая фальсификація исторіи? Развѣ это не подстановка собственныхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ измышлений на мѣсто реальной исторической дѣйствительности? Развѣ не все, что угодно, можно доказать подобнымъ образомъ?

Итакъ, теорія Лебона, въ существенныхъ пунктахъ своихъ, не выдерживаетъ исторической повѣрки, какъ не выдерживаетъ и повѣрки логической. Интересно и поучительно наблюдать, какъ авторъ, разъ ступивъ на ложную дорогу, съ каждымъ давьѣйшимъ шагомъ запутывается все болѣе и болѣе, попадая въ концѣ концовъ въ безысходный логическій тупикъ. Такъ, положеніе о всеобъемлющей роли «расовой души» въ исторіи приводитъ автора къ отрицанію личной инициативы. Но отказавъ личности въ творческой роли, ему приходится искать двигающаго начала исторической эволюціи въ другой области. Онъ находитъ это двигающее начало — въ идеяхъ. Отсюда—чрезмѣрное преувеличеніе роли идей въ исторіи: вся исторія у него есть лишь «дочь идей». Сдѣлавъ этотъ *tour de force*, авторъ воображаетъ, что вышелъ изъ затрудненія, между тѣмъ какъ—въ дѣйствительности—только изъ одного затрудненія попалъ въ другое, горшее перваго. Идеи двигаютъ исторію: но кто же идеи-то двигаетъ? «Расовая душа»? Но она «неподвижна». Индивидуальная мысль? Но личность лишена творчества: она только «отражаетъ» данныя въ дѣйствительности идеи и не создаетъ новыхъ. Однако «новыя идеи» откуда-то являются, и именно ихъ появленію обязаны своимъ происхожденіемъ «новыя ци-

визаціи», которыя приходятъ на смѣну старымъ, отжившимъ. Откуда же берутся первыя? гдѣ ихъ источникъ? Допустимъ немислимое съ точки зрѣнія «неподвижности» «расовой души»: пусть источникъ «новыхъ идей»—въ этой послѣдней. Такъ какъ, съ другой стороны, по Лебону, идеи «образуютъ» и даже, при извѣстныхъ условіяхъ, «создаютъ» «расовую душу», то что же выходитъ? Идеи—продуктъ расовой души, а расовая душа—продуктъ идей?...

Отмѣтимъ еще нѣсколько частныхъ противорѣчій. Въ одной изъ приведенныхъ выше цитатъ авторъ видитъ въ государственномъ абсолютизмѣ французскаго общественнаго строя—продуктъ «души французской расы». Но, вѣдь, по его теоріи слѣдуетъ видѣть подобный же продуктъ той же самой «души» и въ феодальномъ режимѣ средневѣковой Франціи, представляющемъ, какъ извѣстно, противоположный полюсъ относительно государственнаго абсолютизма. Затѣмъ, мы видѣли, что, по Лебону, вполне сложившаяся «расовая душа» совершенно недоступна влияніямъ среды; а въ другомъ мѣстѣ эта же самая среда оказывается у него факторомъ разложенія «расовой души».

Эти и другія подобныя противорѣчія, на которыхъ нѣтъ нужды долѣе останавливаться,—съ одной стороны, являясь неизбежнымъ слѣдствіемъ ложности нѣкоторыхъ изъ основныхъ посылокъ теоріи, свидѣтельствуютъ, съ другой стороны, что во всей этой теоріи и для самого автора остается много невыясненнаго, недодуманнаго. Особенно рельефно выступаетъ эта недодуманность и невыясненность въ идеѣ «расовой души». Въ этой идеѣ—центр тяжести всей исторіософской концепціи Лебона, въ ней же и самый слабый пунктъ его теоріи. Начать съ того, что ученіемъ о «расовой душѣ» самая раса возводится въ психологическую индивидуальность. Въ этомъ пунктѣ вся теорія наталкивается на тѣ же затрудненія, которыя служатъ камнемъ преткновенія для такъ называемой, «органической теоріи» общества ¹⁾, и авторъ не дѣлаетъ ничего для того, чтобы устранить эти затрудненія: онъ просто-напросто игнорируетъ ихъ. Главное изъ этихъ затрудне-

1) Изложеніе и критику «органической теоріи» можно найти въ статьѣ проф. Карѣева: «Общество и Организмъ» («Историко-филос. и социол. этюдъ»). Спб., 1895, стр. 135—161). Также во 2-мъ томѣ его «Осн. вопр. фил. ист.», стр. 69 и далѣе (по 2-му изд.). Тамъ же читатель найдетъ и указанія на литературу предмета.

нѣй заключается въ отсутствіи у всякаго «общественнаго организма», а слѣдовательно и у «расы», того «общаго чувствилища», commune sensorium, безъ котораго немислимъ индивидуумъ. Выходомъ изъ этого затрудненія, повидимому, служить у Лебона его ученіе о роли petite élite d'ésprits supérieurs, какъ «выразительницы идей и стремленій своей расы». Но это только кажущійся выходъ изъ затрудненія. Въдѣ эта petite élite, опять-таки, не индивидуальность, а коллективная группа, которой точно также не достаетъ «общаго чувствилища», не говоря уже о томъ, что «идеи и стремленія выдающихся людей», принадлежащихъ къ одной и той же «расѣ», сплошь да рядомъ оказываются діаметрально противоположными; между тѣмъ сущность «расовой души», по опредѣленію автора, заключается именно въ «безусловной общности (communauté absolue) интересовъ, чувствъ и мыслей». Къ тому же, и самое это положеніе объ «абсолютной общности интересовъ, чувствъ и мыслей» равносильно, въ сущности, игнорированію исторической дѣйствительности, которая представляетъ намъ «расы» не какъ сплошныя, компактныя массы съ абсолютнымъ единствомъ интересовъ, чувствъ и мыслей, а какъ сложныя агрегаты цѣлаго ряда культурно-общественныхъ группъ—часто съ противоположными «интересами, чувствами и мыслями».

Затѣмъ, самое пониманіе авторомъ «расовой души» страдаетъ какою-то двойственностью и противорѣчивостью. «Душа расы» въ одномъ случаѣ опредѣляется какъ «психическій складъ (расы), настолько же опредѣленный и устойчивый, какъ и ея анатомическое строеніе»¹⁾; въ другомъ случаѣ это уже не «складъ психическій», а «совокупность общихъ традицій, идей, вѣрованій, интересовъ и чувствъ»²⁾. А это далеко не одно и то же. Въ одномъ случаѣ «расовая душа» является съ характеромъ органическимъ, въ другомъ—это уже явленіе «надорганическаго» порядка. Правда, у Лебона имѣется нѣчто въ родѣ соединительнаго моста между этими противорѣчивыми концепціями «расовой души»—въ идеѣ наследственности. Идеи и чувства, «образующія душу расы», у него передаются путемъ наследственности, и слѣдовательно—какъ наследственныя—являются съ ха-

1) Le Bon, pp. 11, 34, 137, 166 и др.

2) Le Bon, pp. 16, 131 и др.

ракторомъ органическимъ. Но дѣло въ томъ, что авторъ не сдѣлалъ сколько-нибудь серьезной попытки обосновать и развить эту идею. А съ другой стороны, еслибъ онъ и захотѣлъ это сдѣлать, то ему пришлось бы неизбежно столкнуться съ другою стороною своей теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, куда бы ему было дѣвать тогда религіозныя идеи, которыя, по его ученію,—мало того, что передѣлываютъ «душу расы»,—но въ извѣстныхъ случаяхъ даже и *создаютъ* послѣднюю, создаютъ «моментально», «однимъ разомъ»—по его собственному выраженію: ясное дѣло, что здѣсь моментъ наследственности не играетъ никакой роли, и идея является въ этомъ случаѣ въ роли чисто «надорганическаго» фактора. Значитъ, въ самой концепціи «расовой души» у Лебона есть противорѣчіе, не устранимое безъ нарушенія цѣлости его теоріи.

Да и помимо этого, его ученіе о «расовой душѣ» вызываетъ не мало вопросовъ и недоумѣній, на которыя авторъ не даетъ никакого отвѣта. Какимъ образомъ извѣстная идея можетъ стать не содержаніемъ, а частью «расовой души»? Въ какомъ отношеніи находится индивидуальная душа къ коллективной? И какое отношеніе имѣетъ къ этой послѣдней—психическое взаимодействіе личностей, входящихъ въ составъ данной «расы»? Какимъ образомъ функционируетъ эта послѣдняя? Есть ли «расовая душа» нѣчто неразложимое, первичное, или же, напротивъ, нѣчто сложное, производное и, слѣдовательно, подлежащее анализу? Гдѣ граница между «второстепенными и измѣняемыми чертами» «расовой души» и «чертами основными, неизмѣнными»? Въ чемъ собственно заключается отношеніе «расовой души» къ «средѣ» и «моменту»? Въ чемъ заключается и какимъ образомъ происходитъ то взаимодействіе между идеями и «расовой душой», въ которомъ авторъ полагаетъ сущность историческаго процесса? Наконецъ, — и это самое серьезное недоумѣніе, вызываемое ученіемъ Лебона о «расовой душѣ»,—соотвѣтствуетъ ли этому выраженію нѣкоторая реальная сущность, или же на послѣднее слѣдуетъ смотрѣть какъ на простую метафору, какъ на условное сокращенное обозначеніе извѣстной совокупности сложныхъ явленій? Хотя, въ виду не подлежащаго никакому сомнѣнію «позитивизма» автора, нельзя думать, чтобъ онъ понималъ дѣло въ смыслѣ первой части дилеммы, но при всемъ томъ, читая разсужденія

его о томъ, какъ «расовая душа» «раждается», «умираетъ» и дѣйствуетъ въ исторіи, въ общемъ получается впечатлѣніе, какъ будто дѣло идетъ о нѣкоторомъ живомъ индивидуальномъ существѣ, котораго никто не видитъ, но которое, невидимо ни для кого, даетъ о себѣ знать всюду, — которое является, въ сущности, главнымъ, даже единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ исторіи: все остальное лишь постольку играетъ историческую роль, поскольку является его «выраженіемъ» или «продуктомъ»... Разумѣется, что въ концѣ концовъ отдѣлываешься отъ такого впечатлѣнія, явно несообразнаго; но все-таки туманъ, нагнанный несообразной фразеологіей, оставляетъ послѣ себя какую-то муть и путаницу понятій, разобраться въ которой могъ бы развѣ только самъ авторъ, да и то при условіи предварительной очистки терминологіи, — устраненія изъ нея всякой неопредѣленности и двусмысленности.

Итакъ, попытка Лебона свести историческій процессъ на процессъ психологическій, въ томъ смыслѣ, какъ онъ понимаетъ послѣдній, — должна быть признана вполне неудавшейся. Основная ошибка автора въ томъ, что принципъ, годный для объясненія одной стороны исторической эволюціи, онъ вздумалъ возвести во всеобъемлющій принципъ всей исторіи человѣчества: мы разумѣемъ принципъ «расы». Этимъ онъ скомпрометировалъ и свою психологическую точку зрѣнія, которая, при иной постановкѣ вопроса, могла бы дать болѣе плодотворные результаты въ смыслѣ философской концепціи исторіи. Если вообще возможно свести историческій процессъ на процессъ психологическій (а теоретически едва ли можно серьезно возражать противъ такой возможности), то во всякомъ случаѣ не на почвѣ такой сложной коллективной единицы, какъ «раса», или вообще какая бы то ни было культурная группа, — а единственно отправляясь отъ понятія личности, какъ единственно реального историческаго атома и единственной реальной психологической единицы, — и отдѣльныхъ человѣческихъ дѣйствій, какъ первичныхъ элементовъ историческаго движенія. Такъ какъ закономѣрность человѣческихъ дѣйствій есть закономѣрность психологическая, и такъ какъ, съ другой стороны, къ нимъ сводится, въ послѣднемъ анализѣ, весь историческій процессъ, то ясно, что въ основѣ послѣдняго лежитъ процессъ психологическій, и историческая закономѣрность есть — опять-таки въ послѣднемъ анализѣ —

закономѣрность психологическая¹⁾. Поиски за «историческими законами» тогда только могутъ рассчитывать на успѣхъ, когда они будутъ производиться въ этомъ направленіи; а для этого нужно прежде всего, чтобъ исторія и психологія подали другъ другу руки. Вотъ почему работа Лебона, какъ бы скептически ни относились мы къ ея непосредственнымъ результатамъ, — не лишена серьезнаго положительнаго значенія, — именно, какъ попытка вскрыть *психологическую закономѣрность*, лежащую въ основѣ историческаго процесса.

П. Ардашевъ.

¹⁾ Профессоръ Н. И. Карѣвъ приводитъ, какъ главный аргументъ противъ возможности сведенія историческаго процесса на психологическій, то соображеніе, что «въ исторической жизни (кроме субъективной) есть и объективная сторона, а именно — общественныя формы, учрежденія, системы социальныхъ отношеній между индивидуумами». («Основные вопросы фил. ист.» изд. 2, часть 2, стр. 5). Но вѣдь, по словамъ самого же почтеннаго автора, противъ которыхъ мы ничего не имѣемъ возразить, «все въ исторіи существуетъ чрезъ личность, въ ней и для нея: всѣ виды социальной жизни суть только разные системы отношеній между личностями»; и далѣе: «какое бы учрежденіе мы ни взяли, оно въ концѣ концовъ создается, поддерживается, измѣняется совокупностью дѣятельныхъ личностей» (тамъ же, часть 1, стр. 250). Слѣдовательно, и «объективная сторона» исторіи сводится, въ послѣднемъ анализѣ, къ «дѣятельности личности», закономѣрность которой не можетъ быть иною, какъ закономѣрностью психологической. Въ своей новѣйшей статьѣ объ «Экономическомъ материализмѣ въ исторіи» (въ «Вѣстникѣ Евр.», потомъ въ книгѣ «Историко-фил. и социол. этюды». Спб. 1895) проф. Карѣвъ снова высказывается, хотя и вскользь, противъ возможности психологическаго истолкованія историческаго процесса, выдвигая на этотъ разъ новый аргументъ, заключающійся въ томъ, что человѣкъ не только духовное, но и материальное существо, и что «факты, имѣющіе происхожденіе въ материальной сторонѣ человѣческаго бытія» нельзя «сводить къ чисто духовной основѣ» («Этюды», стр. 165). Но слабость этого аргумента очевидна (мы не думаемъ, чтобъ и самъ авторъ придавалъ ему особенно серьезное значеніе). Въ самомъ дѣлѣ, «материальная сторона человѣческаго бытія», поскольку она заключается въ физиологическихъ отправленіяхъ, само собой понятно, не входитъ въ содержаніе историческаго процесса, а поскольку обнаруживается въ экономическихъ отношеніяхъ, — цѣликомъ сводится на нѣкоторыя системы человѣческихъ поступковъ, т.-е. нѣкоторыхъ фактовъ, подчиненныхъ психологической закономѣрности.